

Лик. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Лик. Владимир Владимирович Набоков

Есть пьеса "Бездна" (L'Abome) известного французского писателя Suire. Она уже сошла со сцены, прямо в Малую Лету (т. е. в ту, которая обслуживает театр, - речка, кстати сказать, не столь безнадежная, как главная, с менее крепким раствором забвения, так что режиссерская удочка иное еще вылавливает спустя много лет). В этой пьесе, по существу идиотской, даже идеально идиотской, иначе говоря - идеально построенной на прочных условностях общепринятой драматургии, трактуется страстной путь пожилой женщины, доброй католички и землевладелицы, вдруг загоревшейся греховной страстью к молодому русскому, Igor, - Игорю, случайно попавшему к ней в усадьбу и полюбившему ее дочь Анжелику. Старый друг семьи, -волевая личность, угрюмый ханжа, ходко сбитый автором из мистики и похотливости, ревнует героиню к Игорю, которого она в свой черед ревнует к Анжелике, - словом, все весьма интересно, весьма жизненно, на каждой реплике штемпель серьезной фирмы, и уж, конечно, ни один толчок таланта не нарушает законного хода действия, нарастающего там, где ему полагается нарастать, и, где следует, прерванного лирической сценкой или бесстыдно пояснительным диалогом двух старых слуг.

Яблоко раздора - обычно плод скороспелый, кислый, его нужно варить; так и с молодым человеком пьесы: он бледноват; стараясь его подкрасить, автор и сделал его русским, - со всеми очевидными последствиями такого мошенничества. По авторскому оптимистическому замыслу, это - беглый русский аристократ, недавно усыновленный богатой старухой, - русской женой соседнего шатлена. В разгар ночной грозы Игорь стучится к нам в дом, входит к нам со стеклом в руке; волнуясь, докладывает, что в имении его благодетельницы горит красный лес и что наш сосняк может тоже заняться. Нас это менее поражает, чем юношеский блеск ночного гостя, и мы склонны опуститься на пуф, задумчиво играя ожерельем, когда наш друг-ханжа замечает, что отблеск огня подчас бывает опаснее самого пожара. Завязка, что и говорить, крепкая, добротная: уже ясно, что русский станет тут завсегдаем, и действительно: второй акт - это солнечный день и белые панталоны.

Судя по тексту пьесы, на первых порах, т. е. пока автору это не надоело, Игорь выражается не то чтобы неправильно, а с запинкой, вставляя изредка вопросец: "так кажется, у вас, - у французов, дескать, - говорится?" Но затем, когда автору уже не до того, ввиду бурного разлива драмы, всякая иностранная слабость речи отбрасывается, русский стихийно обретает богатый язык коренного француза, и только поближе к концу, во время передышки перед финальным раскатом, драматург вспоминает национальность Игоря, который посему мимоходом обращается к старику-слуге со словами: "J'etais trop jeune pour prendre part a la... comment dit-on... velika voina... grand, grand guerre..." ("я был слишком молод, чтобы участвовать в... как говорится... большой, большой войне..." (франц.)). Правда, надо автору отдать справедливость, что, кроме этого "velika voina" и одного скромного "dosvidania", он не злоупотребляет знакомством с русским языком, довольствуясь указанием, что "славянская протяжность придает некоторую прелесть разговору Игоря".

В Париже, где пьеса имела большой успех, Игоря играл Francois Coulot, играл неплохо, но почему-то с сильным итальянским акцентом, по-видимому, выдаваемым им за русский, но не удивившим ни одного рецензента. Впоследствии же, когда пьеса скатилась в провинцию, исполнителем этой роли случайно сделался настоящий русский актер, Александр Лик (псевдоним), - художавый блондин с темными, как кофе, глазами, до того получивший небольшую известность, благодаря фильме, где он отлично провел эпизодическую роль заики.

Трудно, впрочем, решить, обладал ли он подлинным театральным талантом, или же был человек многих невнятных призваний, из которых выбрал первое попавшееся, ко мог бы с таким же успехом быть живописцем, ювелиром, крысоловом... Такого рода существа напоминают помещение со множеством разных дверей, среди которых, быть может, находится одна, которая, действительно, ведет прямо в сад, в лунную глубь чудной человеческой ночи, где душа добывает ей одной предназначенные сокровища. Но как бы то ни было, этой двери Александр Лик не отворил, а попал на актерский путь, по которому шел без увлечения, с рассеянным видом человека, ищущего каких-то путевых примет, которых нет, но которые, пожалуй, снислись или, быть может, принадлежат другой, как бы не проявленной, местности, где ему не бывать

Лик. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
никогда, никогда. В условном же плане земного быта, ему было за тридцать, но все же на несколько лет меньше, чем веку, а потому память о России, которая у людей пожилых, застрявших за границей собственной жизни, превращается либо в необыкновенно сильно развитый орган, работающий постоянно и своей секрецией возмещающий все исторические убытки, либо в раковую опухоль души, мешающую дышать, спать, общаться с беспечными иностранцами, – у него эта память оставалась в зачаточном виде, исчерпываясь туманными впечатлениями детства, вроде соснового запаха дачного новоселья или асимметричной снежинки на башлыке. Его родители умерли, жил он один, любовь и дружбы, перепадавшие ему, все были какие-то сквозные, никто к нему не писал писем просто так, потому что хочется, никто не интересовался его заботами живее его самого, и, когда недавно он узнал от двух докторов – француза и русского, – что у него, как у многих литературных героев, неизлечимая болезнь сердца, как-то не к кому было пойти и пожаловаться на незаслуженную шаткость его, его бытия, когда улицы так и кишат здоровенными стариками. И каким-то образом с его болезнью было связано то, что он любил хорошие, дорогие вещи, мог, например, на последние двести франков купить нашейный платок или вечное перо, но всегда, всегда случалось так, что эти вещи у него пачкались, ломались, портились, несмотря на всю его бережную, даже набожную аккуратность.

По отношению к прочим участникам труппы, в которую он вступил столь же случайно, как сброшенный женщиной мех попадает на то или другое кресло, в сущности анонимное, он остался таким же чужим, каким был на первой репетиции. Ему сразу же показалось, что он лишний, что он украл чье-то место, – и хотя директор труппы был с ним ровно благожелателен, мнительной душе Лика мерещилась ежеминутная возможность скандала, точно вот-вот разоблачат его, обличат в чем-то невозможно стыдном, – а самую ровность отношения он воспринимал, как полнейшее равнодушие к его работе, словно все давно примирились с ее безнадежно низким уровнем и терпят его только потому, что нет удобного предложения, чтоб его уволить.

Ему мнилось, – а, может быть, это и впрямь было так, – что для этих громких, гладких французских артистов, сложно связанных между собой сетью личных и профессиональных страстей, он такой же случайный предмет, как старый велосипед, который один из персонажей ловко разбирает во втором действии, – так что, когда кто-нибудь особенно приветливо с ним здоровался или предлагал ему закурить, это казалось ему недоразумением, которое, увы, сейчас, сейчас разъяснится. Вследствие своей болезни он избегал пить, но вместо того, чтобы прослыть малокомпанейским, откуда было бы недалеко до обвинения в заносчивости, что на худой конец могло бы составить ему хоть какое-то подобие личности, – его отсутствие на приятельских сборищах просто не замечалось, точно иначе и быть не могло, а если и звали его куда-нибудь, то лишь в рассеянно вопросительной форме, – вы что, с нами, или – ? – а это всегда крайне больно человеку, который только и жаждет, чтобы его уговорили. Он плохо понимал шутки, намеки, прозвища, которыми заповедно весело перекидывались другие; ему почти хотелось, чтобы насмешка отнеслась к нему, но даже и этого не случалось. Вместе с тем, кое-кто из коллег ему нравился: так, исполнитель главной роли (лицемера с заскоком) был в рядовой жизни приятным толстяком, недавно купившим спортивную машину, о которой рассказывал вам с неподдельным вдохновением; я очень мила была девушка, черноволосая и худенькая, с великолепно-светлыми, холеными глазами, – но она безнадежно забывала днем свои вечерние признания на подмостках, в разговорчивых объятьях русского жениха, когда она так искренне льнула к Лиду, который любил себя утешать тем, что только на сцене она живет настоящей жизнью, а в другое время впадает в периодическое помешательство, когда она уже не узнает его и зовет себя другим именем. С главной же барыней он так никогда и не обменялся ни одним словом, кроме реплик, и, когда эта коренастая, напряженно красивая женщина, подрагивая щеками, шла мимо него в кулисах, он чувствовал себя куском декорации, который может плашмя упасть, если заденут. Трудно, трудно сказать, было ли это все так, как представлял себе бедный Лик, или же эти вполне безопасные, занятые собой люди оставляли его в покое лишь потому, что он не искал их общества, и не обращался к нему с разговором совершенно так же естественно, как снюхавшиеся между собой пассажиры не обращаются к иностранцу в углу, поглощенному книжкой, – и уж, разумеется, никому это не может быть обидно. Но если даже и старался Лик в редкие минуты бодрости убедить себя в ложности своих смутных мук, они, эти муки, были слишком близки ему по воспоминаниям, слишком часто повторялись при других обстоятельствах, чтобы теперь он мог одолеть их с помощью рассудка. Одиночество, как положение, исправлению доступно, но как состояние, это – болезнь неизлечимая.

Лик. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

Роль свою он исполнял добросовестно и, по крайней мере, в смысле произношения, удачнее, чем его предшественник, ибо Лик по-французски говорил с русской оттяжкой, замедляя и смягчая фразу, не донося ударения до ее конца и слишком бережно отцеживая те брызги подсобных выражений, которые столь славно и скоро слетают у француза с языка. Роль была так мала, так незначительна, вопреки драматическому влиянию ее на игру прочих лиц, что не стоило задумываться над нею, – а все же он задумывался, особенно в начале турне, – и не столько из любви к искусству, сколько потому, что ему казалась чем-то для него лично унижительным парадоксальная разность между ничтожностью самой роли и значительностью той сложной драмы, коей он был прямой причиной. Но хотя он вскоре остыл к возможным улучшениям, которые подсказывали ему и искусство, и самолюбие (две вещи, часто совпадающие), он по-прежнему с таинственным удовольствием выбегал на сцену, точно всякий раз ждал каких-то особых наград, никак, конечно, не связанных с привычными порциями обобщительных рукоплесканий. Эти награды не были и внутренним удовлетворением художника. Скорее они таились в каких-то необыкновенных щелях и складках, которые он угадывал в жизни самой пьесы, пускай банальной и бездарной до одури... но, как и всякая, живыми людьми разыгрываемая вещь, она добирала. Бог весть из чего, личную душу, часа два-три пыталась как-то жить, развивая свою теплоту и энергию, не состоявшие ни в какой зависимости от жалкого замысла автора, от посредственности актерских сил, а просыпавшиеся так, как просыпается жизнь в нагретой солнцем воде. Скажем: Лик мог бы надеяться, что в один смутно прекрасный вечер он посреди привычной игры попадет как бы на топкое место, что-то поддастся, и он навсегда потонет в оживающей стихии, ни на что не похожей, самостоятельной, совсем по-новому продолжающей нищенские задания драмы, – весь без возврата уйдет туда, женится на Анжелике, будет ездить верхом по сухому вереску, получит все то материальное благо, на которое намекалось в пьесе, заживет в том замке, – но кроме всего очутится в невероятно нежном мире, сизом, легком, где возможны сказочные приключения чувств, неслыханные метаморфозы мысли. И обо всем этом думая, Лик почему-то себе представлял, что когда он умрет от разрыва сердца, а умрет он скоро, то это непременно будет на сцене, как было с бедным, лающим Мольером, но что смерти он не заметит, а перейдет в жизнь случайной пьесы, вдруг по-новому расцветшей от его впадения в нее, а его улыбающийся труп будет лежать на подмостках, высунув конец одной ноги из-под складок опустившегося занавеса.

В конце лета "Бездна" и другие две пьесы репертуара шли в приморском городе; Лик участвовал только в "Бездне", так что между первым ее представлением и вторым (всего два и намечалось) у него оказалась, как случалось обычно, неделя свободного времени, с которым он не совсем знал, как справиться. При этом он не выносил юга: первое выступление прошло для него в оранжерейно-бредовой мути, с горячей каплей краски, то висящей на кончике носа, то обжигающей верхнюю губу, и когда во время антракта он вышел на террасу, сзади отделявшую театр от англиканской церкви, ему показалось, что он не дотянет до конца спектакля, а растает на сцене среди разноцветных испарений, промеж которых вдруг пройдет в последний смертный миг блаженная струя другой, другой жизни. Кое-как, однако, он доиграл, несмотря на то, что в глазах двоилось от пота, а гладкое ощущение холодных, голых рук молодой партнерши мучительно подчеркивало таяние его ладоней. Он вернулся в свой пансион совсем разбитый, с гулом боли в затылке и ломотой в плечах, – и там, в темном саду, все цвело, пахло конфетами, цыкали вовсю кузнечики, которых он, как почему-то все русские, принимал за цикад.

Освещенная комната была санитарно бела по сравнению с южным мраком в растворенном окне. Он раздавил пьяного, красного комара на стене и потом долго сидел на краю постели, боясь лечь, боясь сердцебиения. Близкое присутствие моря за окном томило его, словно это огромное, липко-блестящее, лунной перепонкой стянутое пространство, которое он угадывал за лимонной рощей, было сродни булькающему и тоже стянутому сосуду его сердца и как оно, болезненно обнаженное, ничем не было отделено от неба, от шарканья людских ног, от невыносимого давления музыки, играющей в ближнем баре. Он посмотрел на дорогие часики на кисти и с болью увидел, что потерял стеклышко, – да, проехался обшлагом по каменной ограде, когда давеча спотыкаясь лез в гору... Они еще жили, беззащитные, голые, как живет вскрытый хирургом орган.

Дни проходили у него в поисках тени, в мечтах о прохладе. Было нечто адское в проблесках моря и пляжа, где млели медные демоны на раскаленной гальке. Солнечная сторона узких улиц ему была так стабо заказана, что приходилось бы разрешать головоломные маршрутные задачи, чтобы в блужданиях его была цель. Но идти ему было некуда, – так что, послонявшись у лавок, где между прочим

Лик. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
выставлены были довольно забавные записки словно из розоватого янтаря и совсем привлекательные кожаные закладки да бумажники, тисненные золотом, он опускался на стул под оранжевым навесом кафе, потом шел к себе и лежал на постели нагишом, страшно худой и страшно белый, думая все о тех же вещах, о которых думал постоянно:

Он думал о том, что осужден жить сбоку от жизни, что всегда было и будет так, и что поэтому, если смерть не окажется для него выходом в настоящую существование, он жизни так никогда и не узнает. Еще он думал о том, что, если бы его родители были живы, а не умерли на заре эмиграции, то, может быть, эти пятнадцать лет его взрослой жизни прошли бы в тепле семьи, что, будь судьба усидчивее, он окончил бы одну из трех гимназий, в которые попадал на случайных пунктах средней, очень средней, Европы, и теперь занимался бы хорошим делом в кругу хороших людей, - но как он ни напрягал воображения, ни дела этого, ни этих людей он представить себе не мог, так же, как он не мог себе объяснить, почему юношей он учился в кинематографической студии, а не занимался музыкой или нумизматикой, мытьем стекол или бухгалтерией. И как всегда, с каждой точки своей окружности мысль по радиусу возвращалась к темному центру, к предчувствию близкой смерти, для которой он, не скопивший никаких жизненных драгоценностей, едва ли был интересной добычей, - а тем не менее его-то, по-видимому, наметила она в первую очередь.

Как-то вечером, когда он полулежал в полотняном кресле на веранде, к нему пристал один из жителей пансиона, болтливый русский старик (уже успевший дважды ему рассказать свою биографию, сперва в одном направлении, из настоящего к прошлому, а потом в другом, против шерсти, причем получились две различные жизни, одна удачная, другая нет), - и, удобно усевшись, теребя подбородок, сказал: "У меня тут отыскался знакомый, то есть знакомый - c'est beaucoup dire (Это слишком сильно сказано (франц.)), раза два встречал его в Брюсселе, теперь, увы, это совсем опустившийся тип. Вчера - да, кажется, вчера, - упоминаю вашу фамилию, а он говорит: как же, я его знаю, мы даже родственники".

- Родственники? - удивился Лик. - У меня почти никогда не было родственников. Как его зовут?

- Некто Колдунов, Олег Петрович, - кажется, Петрович? Не знаете?

- Не может быть! - воскликнул Лик, закрыв лицо руками. - Представьте, - сказал тот.

- Не может быть, - повторил Лик. - Я, ведь, всегда думал... Это ужасно! Неужели вы сказали мой адрес?

- Сказал. Но я вас понимаю. И противно, знаете, и жалко. Отовсюду вышибли, озлоблен, семья, все такое.

- Послушайте, я вас прошу, - вы не можете ему сказать, что я уехал, потому что это для меня ужасно!

- Если увижу, скажу, но только... Я так, случайно, его в порту встретил, - эх, чудесные какие там стоят яхты, вот это счастливы, живешь на воде, куда хочешь - плыви. Шампанское, девочки, все это отполировано... И старик причмокнул, покачивая головой. "Как это дико, - весь вечер думал Лик. - Гадость какая"... Неизвестно на чем основанная мысль, что Олега Колдунова давным-давно нет на свете, была для Лика одной из тех аксиом, которые уже не состоят на действительной службе рассудка, а сложены далеко-далеко и никогда ни в чем не участвуют, так что теперь, когда Колдунов воскрес, приходилось допустить, что две параллельные линии все-таки скрещиваются, но мучительно трудно было отделаться от старого, застрявшего в мозгу представления, словно извлечение этой одной ложной мысли могло повредить всему распорядку прочих мыслей и представлений. И он теперь никак не мог вспомнить, какие данные у него были полагать, что Колдунов погиб, и почему за эти двадцать лет так окрепла цепь каких-то неопределенных первоначальных сведений (связанных с гражданской войной?), из которых сковалась его гибель.

Их матери были двоюродными сестрами. Олег Колдунов был на два года старше его, в течение четырех лет они учились в той же провинциальной гимназии, и память об этих годах всегда была так ненавистна Лику, что он предпочитал не вспоминать

Лик. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru отрочества; мало того, – его Россию так заволокло, пожалуй, именно потому, что личных воспоминаний своих он не пестовал. Но до сих пор бывали, конечно, сны, на них не было управы. И не только случалось, что Колдунов являлся ему в собственном виде, в обстановке отрочества, наскоро составленной сном из таких аксессуаров, как парта, черная доска, сухая, легкая губка; кроме этих бытовых снов, случались и сны романтические, даже декадентские, т. е. лишенные явного присутствия Колдунова, но зашифрованные им, пропитанные его гнетущим духом или полные как бы слухов о нем, положений и теней положений, каким-то образом выражающих его сущность, – и этот мучительный колдуновский фон, на котором разворачивалось действие первого попавшегося сна, был куда хуже прямых сновидений Колдунова, каким он запомнился, – грубым, мускулистым гимназистом, с коротко остриженной головой и крупными чертами неприятно пригожего лица: их правильность портили слишком близко посаженные глаза, снабженные тяжелыми замшевыми веками, – недаром его прозвали крокодил, – в самом деле, было нечто мутно-глинисто-нильское в этом медлительном взгляде.

Колдунов учился безнадежно плохо: особая русская безнадежность, когда как бы очарованный балбес стоймя погружается сквозь прозрачные слои классов, так что младшие постепенно до него дорастают в оцепенении страха и потом, через год, с облегчением оставляют его позади. Отличался он наглостью, нечистоплотностью, дикой физической силой: после возни с ним всегда пахло зверинцем. Лик между тем был тщедушным, нежным и самолюбивым мальчиком, значит – собой представлял жертву идеальную, неистощимую. Колдунов на него наплывал без слов и деловито пытал его на полу, раздавленного, но всегда ерзающего; громадная, распяленная колдуновская ладонь производила отвратительно черпающий жест, забираясь в какие-то судорожные, обезумевшие глубины. Затем, на час-другой, он его оставлял в покое, довольствуясь повторением какой-нибудь непристойно-бесмысленной фразы, обидной для Лика, у которого спина была в меловой пыли и горели замученные уши; когда же опять надо было поразмяться, Колдунов со вздохом, даже с какой-то неохотой, снова наваливался, впивался роговыми пальцами под ребра или садился отдыхать на лицо жертвы. Он досконально знал все хулиганские приемчики для причинения наисильнейшей боли, не сопряженной с увечьями, а потому пользовался подобострастным уважением товарищей. Вместе с тем он проникался к постоянному своему пациенту смутно-сентиментальной симпатией и на переменах норовил ходить с ним в обнимку, ощупывая тяжелой, рассеянной лапой худую ключицу Лика, который тщето старался сохранить независимый и достойный вид. Таким образом, посещение гимназии было для Лика совершенно нелепым и невозможным страданием, жаловаться он стеснялся, а ночные мысли о том, как, наконец, он Колдунова убьет, только изнуряли душу. К счастью, вне школы они почти не видались, хотя матери Лика и хотелось бы поближе сойтись с кузиной, которая была гораздо ее богаче и держала своих лошадей. Когда же революция пошла переставлять мебель и Лик попал в другой город, а пятнадцатилетний, уже усатенький и вконец озверевший Олег куда-то в общей суматохе пропал, наступило блаженное затишье, скоро, впрочем, сменившееся новыми, более тонкими муками под управлением мелких наследников первоначального палача.

Противно признаться, но Лик случалось на людях в редких разговорах о прошлом вспоминать мнимого покойника с той фальшивой улыбкой, коей мы награждаем далекое, доброе, мод, время, сыто спящее в углу своей зловонной клетки. Теперь же, когда Колдунов оказался живым, он никакими взрослыми доводами не мог побороть преобразованное действительностью, но тем более явственное ощущение той беспомощности, которая давила его во сне, когда из-за ширмы, осклабясь, поигрывая пряжкой пояса, выходил хозяин сна, страшный, черноволосый гимназист. И хотя Лик превосходно понимал, что живой, настоящий, ничего ему теперь не делает, возможная встреча с ним почему-то казалась зловещей, роковой, глухо сопряженной с привычной системой всех дурных предчувствий страданий, обид, известных Лик.

После разговора со стариком, он решил дома не сидеть, – до последнего спектакля оставалось всего три дня, так что переезжать в другой пансион не стоило, но можно было, например, уезжать на целый день за итальянскую границу или в горы, благо погода испортилась, накрапывало, дул свежий ветер. Когда, на следующий день, раным-рано, он вышел из сада по узкой дорожке между цветущих стен, навстречу показался небольшого роста коренастый человек, в одежде, самой по себе мало отличающейся от обычной формы средиземноморских дачников, – берет, открытая рубашка, провансальские туфли, – но почему-то чувствовалось, что он-то одет так не столько по праву летней погоды, сколько по обязанности нищеты. В первую секунду Лика больше всего поразило, что чудовищная фигура, заполнявшая собой его

Лик. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
память, на самом деле едва выше его самого.

- Саша, не узнаешь? - патетически протянул Колдунов, остановившись посреди дорожки.

Крупные черты его желтовато-темного лица с шершавой тенью на щеках и над губой, из-под которой щерились плохие зубы: большой наглый нос с горбинкой; исподлобья глядящие, мутные глаза, - все это было колдуновское, несомненное, хоть и затушеванное временем, но пока Лик смотрел, это первое, несомненное сходство разошлось, беззвучно разрушилось, и перед ним стоял незнакомый проходимец с тяжелым лицом римского кесаря - правда, сильно потрепанного кесаря.

- Поцелуемся, - мрачно сказал Колдунов и на мгновение приложился к детским губам Лика холодной, соленой щекой.

- Я тебя сразу узнал, - залепетал Лик. - Мне вчера как раз говорил, как его, Гаврилюк...

- Сомнительная личность, - перебил Колдунов. - Мэфий-туа (Не доверяй, остерегайся (франц. *méfies-toi*)). Хорошо... Вот это, значит, мой Саша. Отметим. Рад. Рад тебя опять встретить. Это судьба! Помнишь, Саша, как мы с тобой бычков ловили? Абсолютно ясно. Одно из лучших воспоминаний. Да.

Лик твердо знал, что с Колдуновым никогда в детстве рыбы не уживал, но растерянность, скука, застенчивость помешали ему уличить этого чужого человека в присвоении несуществующего прошлого. Он вдруг почувствовал себя вертлявым и не в меру нарядным.

- Сколько раз, - продолжал Колдунов, с интересом разглядывая светлые панталоны Лика, - сколько раз за это время... Да, вспоминал, вспоминал! Где-то, думаю, мой Саша... Жене о тебе рассказывал. Была когда-то красивой женщиной. Ты чем же занимаешься? - Я актер, - вздохнул Лик.

- Позволю себе нескромность, - конфиденциально сказал Колдунов. - В Соединенных Штатах имеется тайное общество, в котором слово "деньги" считается неприличным, а если нужно платить, так заворачивают доллар в туалетную бумагу. Правда, только богачи примыкают, беднякам некогда. Я вот к чему, - и, вопросительно кивая, Колдунов произвел пальцами вульгарный перебор: осязание денег.

- Увы, нет, - без всякой задней мысли воскликнул Лик. - Большую часть года я безработный, а в остальную часть - гроши!

- Знаем и понимаем, - усмехнулся Колдунов. - Во всяком случае... Да, во всяком случае, я хочу с тобой как-нибудь поговорить об одном деле. Сможешь недурно заработать. Ты сейчас как, - свободен?

___ Видишь ли, - собственно, я еду на целый день в Бордигеру, автокаром, - а завтра...

- Очень напрасно. Сказал бы мне, у меня тут есть знакомый шофер, шикарная частная машина, я бы тебе всю Ривьеру показал. Шляпа, шляпа. Ну, черт с тобой, провожу тебя до остановки.

- И я вообще скоро уезжаю совсем, - вставил Лик. - А как твои... как тетя Тася? - рассеянно спросил Колдунов, когда они шли по людной улочке, спускающейся к набережной. - Так, так, - закивал он на ответ Лика, и вдруг что-то виновато-безумное пробежало по его нехорошему лицу. - Послушай, Саша, - сказал он, невольно его толкая и близко оборачиваясь к нему на узком тротуаре, - для меня встреча с тобой это знак. Это знак, что не все еще погибло, а я, признаться, на днях еще думал, что все погибло. Понимаешь, что я говорю?

- Ну это у всякого бывают такие мысли, - сказал Лик.

Они вышли на набережную. Под пасмурным небом море было густое, граненое и местами, вблизи парапета, там, где шлепнулась пена, темнелись лужи. Было пусто, только на скамейке сидела одинокая дама в штанах.

- Давай-ка пять франчей, папирос тебе куплю на дорогу, - быстро проговорил

Лик. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Колдунов и, взяв монету, добавил другим, свободным тоном: – Смотри, вон там моя женка, займи ее, я сейчас вернусь.

Лик подошел к скамье, на которой сидела белокурая дама с раскрытой книжкой на коленях, и по актерской инерции сказал:

– Ваш муж сейчас вернется и забыл меня представить. Я его родственник.

В то же время его обдало прохладной пылью волны. Дама подняла на Лику голубые английские глаза, неторопливо закрыла красную книжку и безмолвно ушла.

– Просто шутка, – сказал запыхавшийся Колдунов, появляясь опять. – Вуаля. Беру себе несколько. Да, – моей, к сожалению, некогда глядеть на море. Слушай, я тебя умоляю, обещай мне, что мы еще свидимся. Помни знак! Завтра, послезавтра, когда хочешь. Обещай. Погоди, я тебе дам мой адресок.

Он взял новенькую, золотисто-кожаную записную книжку Лику, сел, наклонил потный, со вздутыми жилами лоб, сдвинул колени, – и не только написал адрес, с мучительной тщательностью перечтя его. поставив забытую точку над "i" и подчеркнув, но еще набросал план – так, так, потом так. Видно было, что он делал это не раз, и что не один обманувший его человек уже ссылался на то, что адрес запомнил, – поэтому – то он вкладывал в его начертание очень много усердия и силы, – силы почти заклинательной.

Подошел автокар. "Значит, жду", – крикнул Колдунов, подсаживая Лику. И повернувшись, полный энергии и надежды, он решительно пошел вдоль набережной, словно у него было какое-то спешное, важное дело, – между тем как по всему видать было, что это лодырь, пропойца и хам.

На следующий день, в среду, Лик поехал в горы, а в четверг большую часть дня пролежал у себя с сильной головной болью. Вечером – спектакль, завтра – отъезд. Около шести пополудни он вышел, чтобы получить из починки часы, а затем купить себе хорошие белые туфли: давно хотелось во втором действии блеснуть обновой, – и когда он с коробкой под мышкой выбрался из лавки сквозь рассыпчатую завесу, то сразу столкнулся с Колдуновым,

Тот поздоровался с ним без прежнего пыла, а скорее насмешливо.

– Не! Теперь уж не отвертись, – сказал он, крепко взяв Лику за руку. – Пойдем-ка. Посмотришь, как я живу и работаю.

– Вечером спектакль, – возразил Лик, – и завтра я уезжаю!

– То-то и оно, милый, то-то и оно. Хватай! Пользуйся! Другого шанса никогда не будет. Карта бита! Иди, иди.

Повторяя отрывистые слова, изображая всем своим непривлекательным существом бессмысленную радость человека, дошедшего до точки, а, может быть, и перешедшего ее (плохо изображает, смутно подумал Лик), Колдунов быстро шел да подталкивал слабого спутника. В угловом кафе на террасе сидела вся компания артистов и, заметив Лику, его приветствовала перелетной улыбкой, которая, собственно, не принадлежала ни одному из них, а пробежала по всем губам, как самостоятельный зайчик.

Колдунов повел Лику влево и вверх по маленькой кривой улице, испещренной там и сям желтым и тоже каким-то кривым солнцем. В этом нищем старом квартале Лик не бывал ни разу. Высокие, голые фасады узких домов словно наклонялись с обеих сторон, как бы сходясь верхушками, иногда даже срастались совсем, и получалась арка. У порогов возились отвратительные младенцы; всюду текла черная, вонючая водица. Вдруг, переменяя направление, Колдунов втолкнул его в лавку и подобно многим русским беднякам, щеголяя самыми дешевыми французскими словечками, купил на деньги Лику две бутылки вина. При этом было очевидно, что он тут давно задолжал, и теперь во всей его повадке, в грозно приветственных восклицаниях, на которые ни лавочник, ни теца лавочника никак не откликнулись, было отчаянное злорадство, и от этого Лику стало еще неприятнее. Они пошли дальше, свернули в переулок, и, хотя казалось, что мерзкая улица, по которой они только что поднимались, была последним пределом мрачности, грязи, тесноты, проход этот с вялым бельем, висевшим поперек верхнего просвета, изловчился выразить еще худшую

Лик. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
печаль. Там-то, на углу кривобокой площадки. Колдунов сказал, что пойдет вперед, и, покинув Лика, направился к черной дыре раскрытой двери. Одновременно из нее выскочил белокурый мальчик лет десяти, но, увидя наступающего Колдунова, побежал обратно, задев по пути грубо звякнувшее ведро. "Стой, Васюк", - крикнул Колдунов и ввалился в черное свое жилище. Как только он вошел, оттуда послышался остервенелый женский голос, что-то кричавший с мучительным и, должно быть, привычным надсадом, но вдруг пресекся, и через минуту Колдунов выглянул, мрачно маня -Лика.

Лик попал прямо с порога в комнату, низкую и темную, с каким-то мало понятным расположением голых стен, точно они расползлись от страшного давления сверху. Она была полна бутафорской рухлядью бедности. На вогнутой постели сидел давешний мальчик; громадная белобрысая женщина с толстыми босыми ногами вышла из темного угла и без улыбки на некрасивом расплывчато-бледном лице (все черты, даже глаза, были как бы смазаны- усталостью, унынием, Бог знает чем), безмолвно поздоровалась с Ликом.

- Знакомьтесь, знакомьтесь, - с издевательской поощрительностью сказал Колдунов в сторону и немедленно принялся откупоривать вино. Жена поставила на стол хлеб и тарелку с помидорами. Она была столь безмолвна, что Лик уже сомневался, эта ли женщина так кричала только что, - пока муж, должно быть, не объяснил хлестким шепотом, что привел гостя.

Она опустилась на скамейку в глубине комнаты, взяась с чем-то, что-то чистя... Ножом... на газете, что ли... Лик боялся слишком точно рассматривать, - а мальчик, блестя глазами, отошел к стене и, осторожно маневрируя, выскользнул на улицу. В комнате было множество мух, с маниакальным упорством игравших на столе и садившихся Лику на лоб.

- Ну вот, выпьем, - сказал Колдунов. - Я не могу, мне запрещено, - хотел было возразить Лик, но вместо этого, повинувшись тяжелому, по кошмарам знакомому влиянию, отпил из стакана и сразу закашлялся.

- Этак лучше, - произнес Колдунов со вздохом, кистью руки вытирая дрожащие губы. - Видишь ли, - продолжал он, наливая Лику и себе, - вот, значит, как обстоит дело. Деловой разговор! Позволь мне тебе рассказать вкратце. В начале лета, так с месяц, я тут проработал в русской артели, шут бы ее взял, мусорщиком. Но, как тебе известно, я человек прямой и люблю правду, а когда подвертывается сволочь, то я и говорю: ты сволочь, - и, если нужно, мажу по шее. Вот как-то раз...

И основательно, подробно, с кропотливыми повторениями, Колдунов стал рассказывать нудную, жалкую историю, и чувствовалось, что из таких историй давно состоит его жизнь, что давно его профессией стали унижения и неудачи, тяжелые циклы подлого безделья и подлого труда, замыкающиеся неизбежным скандалом. Между тем Лик опьянел от первого же стакана, а все-таки продолжал попивать скрыто-брезгливыми глотками, испытывая щекочущую муть во всех членах, но перестать не смея. точно за отказ от вина последовала бы постыдная кара. Колдунов, облокотившись, а другой рукой поглаживая край стола, изредка прихлопывая особенно черное слово, говорил безостановочно. Его глинисто-желтая голова - он был почти совершенно лыс - мешки под глазами, загадочно-злое выражение подвижных ноздрей, - все это окончательно утратило внешнюю связь с образом сильного, красивого гимназиста, истязавшего Лика некогда, но коэффициент кошмара остался тот же.

- Так-то, брат... Все это теперь не важно, - сказал Колдунов другим, менее повествовательным тоном. - Собственно, я готовил тебе этот рассказец еще в прошлый раз, когда думал... Видишь ли, мне показалось сперва, что судьба - я старый фаталист - вложила известный смысл в нашу встречу, что ты явился вроде, скажем, спасителя. Но теперь выяснилось, что, во-первых, ты - прости меня - скуп, как жид, а во-вторых... Бог тебя знает, может быть, ты и действительно не в состоянии одолжить мне... не пугайся, не пугайся... все это пройдено! Да и речь шла только о такой сумме, которая нужна, чтобы не на ноги встать, это роскошь! - а хотя бы на четвереньки. Потому что не хочу больше лежать пластом в дерьме, как лежу уже годы, - да, дядя, годы. Я и не буду тебя ни о чем просить... Не мой жанр просить, - крикливо отчеканил Колдунов, снова перебив самого себя. - А вот хочу только знать твое мнение. Просто -философский вопрос. Дамы могут не слушать. Как ты думаешь, чем это все можно объяснить? Понимаешь ли, если наверняка имеется какое-то объяснение, то, пожалуйста, я готов с дерьмом

Лик. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

примириться, – потому что, значит, тут есть что-то разумное, оправданное, – может быть, что-нибудь полезное мне или другим, не знаю... Вот, объясни: я – человек, – притом тех же самых кровей, что и ты, – шутка ли сказать, я был у покойной мамы единственным и обожаемым, в детстве шалил, в юности воевал, а потом – поехало, поехало... ой-ой-ой, как поехало... В чем дело? Нет, ты мне скажи, в чем дело? Я только хочу знать, в чем дело, тогда я успокоюсь. Почему меня систематически травил жизнь, почему я взят на ампула какого-то несчастного мерзавца, на которого все харкают, которого обманывают, застрашивают, сажают в тюрьму? Вот тебе для примера: когда в Лионе, после одного инцидента, меня увели, – причем я был абсолютно прав и очень жалел, что не пристукнул совсем, – когда меня, значит, несмотря на мои протесты, ажан повел, – знаешь, что он сделал? Крючком, вот таким, вот сюда меня зацепил за живую шею, – что это такое, я вас спрашиваю? – и вот так ведет в участок, а я плыву, как лунатик, потому что от всякого лишнего движения чернеет в глазах. Ну, объясни, почему этого с другими не делают, а со мной вдруг взяли и сделали? Почему моя первая жена сбежала с черкесом? Почему меня в тридцать втором году в Антверпене семь человек били смертным боем в небольшой комнате? – и, посмотри, почему вот это все – вот эта рвань, вот эти стены, вот эта Катя... Интересуюсь, давно интересуюсь историей своей жизни! Это тебе не Джек Лондон и не Достоевский! Хорошо – пускай живу в продажной стране, – хорошо, согласен примириться, но надо же, господа, найти объяснение! Мне как-то говорил один фрукт – отчего, спрашивает, не вернешься в Россию? В самом деле, почему бы и нет? Очень небольшая разница! Там меня будут так же преследовать, бить по кумполу, сажать в холодную, – а потом, пожалуйста в расход, – и это, по крайней мере, честно. Понимаешь, я готов их даже уважать – честные убийцы, ей-Богу, – а здесь тебе жулики выдумывают такие пытки, что прямо затоскуешь по русской пуле. Да что ж ты не смотришь на меня, – какой, какой, какой... или не понимаешь, что я говорю?

– Нет, я это все понимаю, – сказал Лик, – только извини, мне нехорошо, я должен идти, скоро нужно в театр.

– А нет, постой. Я тоже многое понимаю. Станный ты мужчина... Ну, предложи мне что-нибудь... Попробуй! Может быть, все-таки меня озолотишь, а? Слушай, знаешь что, – я тебе продам револьвер, тебе очень пригодится для театра, трах – и падает герой. Он и ста франков не стоит, но мне ста мало, я тебе его за тысячу отдам, – хочешь?

– Нет, не хочу, – вяло проговорил Лик, – И, право же, у меня денег нет... Я тоже – все такое – и голодал и все... Нет, довольно, мне плохо.

– А ты пей, сукин кот, вот и не будет плохо. Ладно, черт с тобой, я это так, на всякий случай, все равно, не пошел бы на выкуп. Но только, пожалуйста, ответь мне на мой вопрос. Кто же это решил, что я должен страдать, да еще обречь ребенка на мою же русскую паршивую гибель? Позвольте, – а если мне тоже хотится сидеть в халате и слушать радио? В чем дело, а? Вот ты, например, чем ты лучше меня? А ходишь гоголем, в отелях живешь, актрис, должно быть, взасос... Как это так случилось? Объясни, объясни.

– У меня, – сказал Лик, – у меня случайно оказался... ну, я не знаю, – небольшой сценический талант, что ли...

– Талант? – закричал Колдунов. – Я тебе покажу талант! Я тебе такие таланты покажу, что ты в штанах компот варить станешь! Сволочь ты, брат. Вот твой талант. Нет, это мне даже нравится (Колдунов затрясся, будто хохоча, с очень примитивной мимикой). Значит, я, по-твоему, – последняя хамская тварь, которая и должна погибнуть? Ну, прекрасно, прекрасно. Все, значит, и объяснилось, эврика, эврика, карта бита, гвоздь вбит, хребет перебит...

– Олег Петрович расстроен, вы, может быть, теперь пойдете, – вдруг из угла сказала жена Колдунова с сильным эстонским произношением. В голосе ее не было ни малейшего оттенка чувства, и оттого ее замечание прозвучало как-то деревянно-бессмысленно. Колдунов медленно повернулся на стуле, не меняя положения руки, лежащей как мертвая на столе, и уставился на жену восхищенным взглядом.

– Я никого не задерживаю, – проговорит он тихо и весело. – Но и меня попрошу не задерживать. И не учить. Прощай, барин, – добавил он, не глядя на Лика, который почему-то счел нужным сказать: – Из Парижа напишу, непременно...

- Пускай пишет, а? - вкрадчиво произнес Колдунов, продолжая, по-видимому, обращаться к жене. Лик, сложно отделившись от стула, пошел было по направлению к ней, но его отнесло в сторону, и он наткнулся на кровать.

- Ничего, идите, идите, - сказала она спокойно, и тогда, вежливо улыбаясь. Лик бочком выплыл на улицу.

Сперва - облегчение: вот ушел из мрачной орбиты пьяного резонера-дурака, затем - возрастающий ужас: тошнит, руки и ноги принадлежат разным людям, - как я буду сегодня играть?.. Но хуже всего было то, что он всем своим зыбким и пунктирным телом чуял наступление сердечного припадка; это было так, словно навстречу ему был наставлен невидимый кол, на который он вот-вот наткнется, а потому-то приходилось вилять и даже иногда останавливаться и слегка пятиться. При этом ум оставался сравнительно ясным: он знал, что до начала представления всего тридцать шесть минут, знал, как пойти домой... Впрочем, лучше спуститься на набережную, - посидеть у моря, переждать, пока рассеется телесный, отвратительно бисерный туман, - это пройдет, это пройдет, - если только я не умру... Он постигал и то, что солнце только что село, что небо уже было светлее и добрее земли. Какая ненужная, какая обидная ерунда. Он шел, рассчитывая каждый шаг, но иногда ошибался, и прохожие оглядывались на него, - к счастью, их попадалось немного, был священный обеденный час, и когда он добрался до набережной, там уже совсем было пусто, и горели огни на молу, с длинными отражениями в подкрашенной воде, - и казалось, что эти яркие многоточия и перевернутые восклицательные знаки сквозисто горят у него в голове. Он сел на скамейку, ушибив при этом кобчик, и прикрыл глаза. Но тогда все закружилось, сердце, страшным глобусом отражаясь в темноте под веками, стало мучительно разрастаться, и чтобы это прекратить, он принужден был зацепиться взглядом за первую звезду, за черный буюк в море, за потемневший эвкалипт в конце набережной, я все это знаю и понимаю, и эвкалипт странно похож в сумерках на громадную русскую березу... "Так неужели это конец, - подумал Лик, - такой дурацкий конец... Мне все хуже и хуже... Что это... Боже мой!"

Прошло минут десять, не более. Часики шли, стараясь из деликатности на него не смотреть. Мысль о смерти необыкновенно точно совпала с мыслью о том, что через полчаса он выйдет на освещенную сцену, скажет первые слова роли: "Je vous prie d'excuser, Madame, cette invasion nocturne" ("Я прошу вас, мадам, извинить это ночное вторжение" (франц.)) - и эти слова, четко и изящно выгравированные в памяти, казались гораздо более настоящими, чем шлепоток и хлеблет утомленных волн или звуки двух счастливых женских голосов, доносившиеся из-за стены ближней виллы, или недавние речи Колдунова, или даже стук собственного сердца. Ему вдруг стало так панически плохо, что он встал и пошел вдоль парапета, растерянно глядя его и косясь на цветные чернила вечернего моря. "Была не была, - сказал Лик вслух, - нужно освежиться... как рукой... либо умру, либо снимет..." Он сполз по наклону панели и захрустел на гальке. Никого на берегу не было, кроме случайного господина в серых штанах, который навзничь лежал около скалы, раскинув широко ноги, и что-то в очертании этих ног и плеч почему-то напомнило ему фигуру Колдунова. Пошатываясь и уже наклоняясь. Лик стыдливо подошел к краю воды, хотел было зачерпнуть в ладони и обмыть голову, но вода жила, двигалась, грозила омочить ему ноги, - может быть, хватит ловкости разуться? - и в ту же секунду Лик вспомнил картонку с новыми туфлями: забыл их у Колдунова!

И странно: как только вспомнилось, образ оказался столь живительным, что сразу все опростилось, и это Лика спасло, как иногда положение спасает его формулировка. Надо их тотчас достать, и можно успеть достать, и как только это будет сделано, он в них выйдет на сцену - все совершенно отчетливо и логично, придраться не к чему, - и забыв про сжатие в груди, туман, тошноту, Лик поднялся опять на набережную, граммофонным голосом кликнул такси, как раз отъезжавшее порожняком от виллы напротив... Тормоза ответили раздирающим стоном. Шоферу он дал адрес из записной книжки и велел ехать как можно шибче, причем было ясно, что вся поездка - туда и оттуда в театр - займет не больше пяти минут.

К дому, где жили Колдуновы, автомобиль подъехал со стороны площади. Там собралась толпа, и только с помощью упорных трубных угроз автомобилю удалось протиснуться. Около фонтана, на стуле, сидела жена Колдунова, весь лоб и левая часть лица были в блестящей крови, слиплись волосы, она сидела совершенно прямо и неподвижно, окруженная любопытными, а рядом с ней, тоже неподвижно, стоял ее мальчик в окровавленной рубашке, прикрывая лицо кулаком, - такая, что ли,

Лик. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
картина. Полицейский, принявший Лика за врача, провел его в комнату. Среди осколков, на полу навзничь лежал обезображенный выстрелом в рот, широко раскинув ноги в новых белых... - Это мои,- сказал Лик по-французски.

Ментона. 1938 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!